

Судьба Вознесенско-Преображенского собора города Глазова

История взаимоотношений советского государства и русской православной церкви (РПЦ) является одной из наиболее слабо изученных и искаженных идеологическим подходом областей современного исторического знания.

В настоящий момент в г. Глазове производится попытка реконструкции 4 ноября 2008 г. в праздник единства и согласия, в день Казанской иконы Божией матери в Глазове на площади, разрушенного до основания в начале 60-х гг. XX в. Его установка и освящение считаются первым шагом в благоустройстве соборной площади как исторического места. В связи с этим особенно актуальной становится задача воссоздания истории данного собора.

Судьба Глазовского собора полна драматизма и в значительной степени повторяет судьбу большинства православных храмов России. Несмотря на большой интерес общественности прошлое Преображенского храма, является малоизученным, построенным на слухах и обрывочных сведениях, оставаясь во многих отношениях практически неизвестным. Воссоздание истории храма возможно при использовании документов фонда ЦГА УР, Архивного отдела администрации г. Глазова, воспоминаний старожилов и публикаций местной прессы.

В начале XX в. Преображенский собор являлся частью монументального храмового комплекса – Вознесенско-Преображенского собора, стоявшего на главной площади города – Соборной (теперь площадь Свободы).

Комплекс состоял из трех храмов, соединенных в одно целое:

каменный трехъярусный храм-колокольня – Вознесенская церковь, возведенная в стиле зрелого классицизма в 1809 г.;

старая маленькая Никольская церковь, построенная в 1859 г.;

так называемый «новый» краснокирпичный пятикупольный Преображенский собор.

На его месте с 1801 г. стоял небольшой храм Преображения Господня, возведенный в архаичном стиле провинциального «вятского барокко». В апреле 1856 г. прихожане Глазова решили его «расширить», начав сбор пожертвований на богоугодное дело. С 15 июня 1877 г. началось строительство фактически совершенно нового краснокирпичного сооружения. 24 сентября 1879 г. в 9 часов вечера на глазах пораженных обывателей незаконченный собор рухнул. Устоял только низ стен. Этот тягостный эпизод описал в очерке «Собор с зарокотом» Владимир Галактионович Короленко, отбывавший ссылку в Глазове.

Экстренная комиссия из Вятки выявила ошибки в расчетах строителей. Через 8 лет по откорректированным чертежам все было восстановлено с особой тщательностью с учетом прочности и красоты кирпичной кладки. 15 июня 1887 г. возрожденный храм освятили в честь Преображения Господня. В подвальной части нового храма была устроена пещерная церковь во имя Св. Исидора Пелусиота.

С 1889 г. в городе размещалось Глазовское викариатство Вятской епархии, которым правили архиереи в сане не ниже епископа. До 1917 г. Глазов являлся административным и торговым центром одного из крупнейших уездов Вятской губернии, оплотом православия в северной Удмуртии.

Период с 1917 по 1941 гг. оказался временем тяжелейших испытаний, выпавших на долю РПЦ. Это была эпоха «воинствующего безбожия» - тайной и явной борьбы правящей коммунистической партии с серьезным конкурентом в области идеологического влияния на сознание широких народных масс.

Преображенский собор в полной мере разделил судьбу всей русской церкви. Он успел пострадать от рук большевиков уже в годы гражданской войны, в июне 1919 г., когда Глазов был занят войсками Колчака. Согласно воспоминаниям участника событий Алексея Николаевича Куликова, белогвардейцы, торжественно встреченные купечеством, решили устроить молебен в честь победы. Но «молебствие» было нарушено снарядом, пущенным красными с села Богатырки, расположенного в нескольких километрах от города. Метко пущенный снаряд попал прямо в крышу собора.

В последующие 20-30-е гг. православный Глазов перенес большие испытания и лишения. В частности, были репрессированы многие представители духовенства и прихожан собора. Здесь достаточно привести лишь несколько примеров:

1) 1928 г. - арестован и доставлен под конвоем в Соловки епископ Глазовский Виктор Островидов;

2) 1937 г. - арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения архиепископ Глазовский Авраамий Дернов;

3) 1938 г. – арестованы глазовский священник Дмитрий Модестов и церковный староста Преображенского собора Андрей Пепеляев, приговоренные за «антисоветскую агитацию» соответственно к 10 и 5 годам лишения свободы.

Кроме того, в Глазове велась активная деятельность по закрытию и разрушению храмов города. Ею осуществлял Глазовский Городской Совет, Президиум которого состоял из коммунистов, убежденных атеистов. В результате их деятельности к 1941 г. были закрыты или снесены все церкви и часовни города. Старый Никольский собор и Вознесенский храм-колокольня были закрыты в 1930 г. Через 6 лет оба храма были разобраны на кирпичи под предлогом «добычи стройматериалов». К концу 1930-х гг. на главной площади Глазова из Вознесенско-Преображенского храмового комплекса оставался только Преображенский «новый» собор.

За судьбу собора с 1933 по 1938 гг. шла упорная борьба Горсовета с верующими Глазова. В том, что собор просуществовал в таких условиях почти пять лет, есть немалая заслуга его священников и прихожан. Идеологической демагогии и административному, а порой и силовому давлению городских властей прихожане могли противопоставить только подчеркнуто точное соблюдение норм советского законодательства, моральную стойкость и скудные средства, жертвуемые ими на благосостояние собора. В этом противостоянии, разумеется, перевес сил был у Горсовета, который не останавливался ни перед нарушением законов, ни перед использованием дезинформации.

В самом начале Горсовет потребовал у церковной общины закрыть собор под предлогом якобы его аварийного состояния, грозящего обрушением всего здания. О надуманности этих претензий говорит тот факт, что храму к тому времени не

исполнилось и полвека, а его здание оставалось достаточно прочным вплоть до начала 1960-х гг. Приходской Совет собора, срочно мобилизовав средства церковной общины и прихожан, сумел в неблагоприятных условиях, при скрытом противодействии Горсовета, провести ремонт.

Но это власти не остановило. Так называемые «Наказы избирателей депутатам Глазовского городского Совета» с 1934 г. ежегодно содержали следующий пункт: «Учитывая громадный недостаток зданий для культпросветучреждений,...требуем немедленно изъять новый собор, приспособив его под дом соц. Культуры». Другие «Наказы» призывали отдать собор под «молодежный комсомольский клуб». Таким образом, стремление Горсовета покончить с православным собором, публично было представлено как вынужденное следование желанию трудящихся города и забота о повышении культурного уровня горожан.

Борьба Горсовета с прихожанами собора дошла даже до того, что в 1936 г. «в период разломки Вознесенской церкви и колокольницы» у входа в Преображенский собор была поставлена вооруженная охрана, не пропускающая в здание никого. «Верующие начали было ходить с противоположной стороны через прилегающий сад, но вскоре двери в сад заколотили и заперли на замок». Подобные действия Горсовета настолько далеко выходили за рамки советских законов, что вмешался местный прокурор, давший «распоряжение о свободном проходе верующих в храм».

В 1937 г. прихожане были вынуждены отправить в Москву делегацию к митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию с ходатайством об открытии Преображенского собора, которую возглавил Архиепископ Глазовский Авраамий Дернов. Но это не помогло. По воспоминаниям верующих «Преображенский собор был закрыт. Официально службы прекратились, но они продолжались в Пещерной церкви, то есть в подвале храма». Верующих преследовали, и, придя на службу, они прятались. «По православным праздникам служители закрывали дверь на замок. Службы шли тихо, негромко...».

В феврале 1938 г. последовало постановление Президиума Верховного Совета УАССР о закрытии Преображенского собора, утвержденное Президиумом Верховного Совета РСФСР. Тем же постановлением здание собора было передано

Глазовскому горсовету для переоборудования под театр. В ноябре 1938 г. Председателем Глазовского Горсовета А. Цепелевым были наняты рабочие для проведения работ по снятию всех крестов, куполов, башен и парапетов с бывшего Преображенского собора.

Однако, успешно справившись с изъятием храма у верующих и изуродовав церковное здание, городские власти так и не сумели переделать его ни под театр, Дом Культуры или клуб. Спустя два года, Исполком Глазовского Райсовета, отвечая на запрос Президиума Верховного Совета УАССР, как используются здания закрытых церквей, сообщал, что в соборе должны были устроить городской театр, «но за неимением денег, собор в данное время кроме подвальных помещений никем не используется. Подвальные помещения заняты под склады картофеля».

В годы Великой Отечественной войны собор был передан в пользование войсковым частям и Горторгу. В его подвале по-прежнему размещалось овощехранилище. Юридический хозяином собора продолжал считаться горисполком. Однако собор не был приспособлен для хранения овощей. По свидетельству глазовчан, в одну из первых военных зим в неотапливаемом подвале храма замерзло много картофеля. Испорченную картошку выбросили в пристройку собора, и она была растащена полуголодными жителями города.

Но именно в военные годы произошли значительные изменения в репрессивной, по сути, политике Советского государства по отношению к РПЦ. Этому способствовали ярко выраженная патриотическая позиция руководства Московской патриархии с начала войны, интересы международной политики Иосифа Сталина, а также учет «вождем народов» того обстоятельства, что религиозные традиции и верования, являлись одним из источников утешения людей в суровое и трудное время.

В 1943 г. происходит поворот к временному примирению государства и церкви, когда Советская власть, окончательно отказавшись от планов уничтожения РПЦ, перешла к возрождению церковной жизни в стране под строгим государственным контролем. Антирелигиозная пропаганда приняла менее агрессивные и прямолинейные формы. Впервые с 1917 г. проходят выборы Патриарха Московского

и всея Руси. По стране начинают открываться для службы православные храмы и монастыри. Возвращалось из лагерей репрессированное духовенство. Однако абсолютного согласия между церковью и государством достигнуто не было. Такого не позволяла сама тоталитарная природа сталинского режима. Полное подчинение церкви государству осталось прежним, разве только оно приняло более мягкие формы.

Все эти обстоятельства новых взаимоотношений власти и православной церкви в полной мере отразились на судьбе закрытого Преображенского собора в Глазове. Ближе к концу войны храм признали памятником архитектуры УАССР. В начале 1945 г. в город пришло отношение Управления по делам архитектуры при СНК УАССР «Об охране Преображенского собора как архитектурного памятника». В каком состоянии находился Преображенский собор в сентябре 1945 г. свидетельствует доклад Уполномоченного по делам РПЦ при Совнаркоме Союза ССР по Удмуртской АССР: «Из наличия живописи и скульптуры частично сохранилась настенная масляная живопись...в 1938 г. были разобраны...купольные башни собора...Окраска и штукатурка внутри помещения частично» отваливалась. «Стропила - сохранились...оконные переплеты...без стекол. Пол разрушен частично...». Картину состояния собора дополняют воспоминания Валентины Николаевны Прокашевой, 1931 г. рождения, уроженки Глазова, одной из старейших прихожанок: «Собор с довоенных времен и до начала 1950-х гг. так и простоял полуразрушенным посреди главной площади, в самом центре города, производя на горожан своим внешним видом жуткое впечатление». Следует напомнить, что накануне 1937 г. собор был основательно отремонтирован самими прихожанами. А всего лишь через 7 лет, после того, как там похозяйничал Горсовет, зданию снова требовался серьезнейший капитальный ремонт.

Возрождение церковной жизни в Глазове началось еще в военные годы стихийно возобновившихся тайных богослужений в закрытом Преображенском соборе. По воспоминаниям Прокашевой службы шли тайно и изредка по большим праздникам в Пещерной церкви, т.е. в подвале храма, на что никакого разрешения власти не давали. Верующие пробирались в церковь со стороны реки, через

городской сад. Вход был неудобен и узок, через него мог пройти только один человек. Помещение Пещерной церкви было невелико. Там с трудом, в тесноте и духоте могли поместиться не больше 150 человек. Посреди подвала лежали груды картошки, так как здесь был расположен склад Горторга и еще каких – то организаций. Богослужения проходили около одной стены, где стоял маленький алтарь. Справа от алтаря было место для клироса, где вместе с другими девушками пела и Валентина Ивановна. Иконы прятались в подвале и вынимались из тайника на время службы. Когда собирался народ, то подвальные оконца тщательно занавешивались, чтобы не прознал никто из посторонних.

Но изменение государственной политики по отношению к церкви дало православным горожанам обеспеченное законом право ходатайствовать о новом открытии собора, которым они незамедлительно воспользовались.

В военные годы ходатайства об открытии церквей шли в столицу УАССР из многих районов республики. Но далеко не все они удовлетворялись. Первые хлопоты глазовчан также не увенчались успехом. В 1944 г. им отказали под предлогом того, что инициаторами ходатайств являлись бывшие члены церковного совета Преображенского Собора и, как установлено проверкой Глазовского Горисполкома, никакого уполномочия от верующих они не имели. Но эта неудача не остановила верующих. В 1944-1946 г. было подано 5 заявлений с просьбой об открытии церкви. Под одним заявлением стояла 51 подпись. Кроме того, ходоки из Глазова 3 раза приходили на прием к самому Уполномоченному.

В своих первых заявлениях верующие просили о возвращении здания бывшей небольшой деревянной Георгиевской церкви, закрытой в 1929 г. Главной причиной отказа по ходатайствам была именно позиция Горсовета, не думающего освободить церковь, Согласно закону для удовлетворения просьбы верующих необходимо было иметь свободное и в «техническом отношении вполне пригодное здание». Поскольку помещение Георгиевской церкви было «занято пехотным училищем и его мастерскими» просьбу верующих удовлетворить не могли.

После долгих переговоров верующих с представителями власти встал вопрос о Преображенском соборе. В начале 1946 г. уже пятому по счету заявлению глазовчан

наконец-то был дан ход. По постановлению Совета Министров СССР от 17 марта 1947 г. Преображенский собор разрешили открыть. С 9 апреля 1947 г. собор начал действовать.

Поначалу глазовчане не решались просить о его возвращении, поскольку ясно отдавали себе отчет в том, что восстанавливать фактически полуразрушенный каменный собор будет намного сложнее и дороже, чем небольшую Георгиевскую церковь. Только неуступчивость Горсовета, не отдавшего верующим деревянную церковь, и то обстоятельство, что собор, за исключением подвала, занятого под овощехранилище, городскими властями никак не использовался и с 1938 г. стоял в полнейшем запустении, решили судьбу Преображенского собора. Горсовет потерял по закону всякие формальные основания не возвращать храм его бывшим прихожанам.

Первым послевоенным настоятелем Преображенского собора стал заштатный немолодой протоиерей Владимир Андреевич Пономарев, еще в 1920 г. начинавший службу в этом храме. В 1947 г. ему было уже 68 лет. В открытии собора, без сомнения, была большая его заслуга.

Согласно воспоминаниям верующих, в первую очередь на крыше собора возвели маленький купол с крестом, так как по церковным правилам здание, не увенчанное крестом, не может считаться храмом Божьим и в нем нельзя проводить богослужения. О том, насколько Преображенский собор был посещаем, свидетельствуют цифры. По размеру полученного дохода за 1947 г. – 197 000 руб. – начавший действовать собор Глазова стоял на четвертом месте среди православных церквей Удмуртии. Число совершенных религиозных, обрядов в соборе также было достаточно большим. Только за IV квартал 1947 г. совершено 195 крещений, 3 венчания и 10 отпеваний. А за IV квартал следующего 1948 г. – 132 крещения 27 отпеваний. Даже летом 1947 г., когда большинство прихожан было занято на уборке урожая, в большие церковные праздники на службы приходило от 50 до 100 человек, а в воскресные дни от 10 до 50 человек. Таким образом, с момента своего открытия Преображенский собор был достаточно популярен среди

горожан, а число его активных прихожан в городе, несмотря на все гонения со стороны местных властей, как минимум, составляло несколько сотен человек.

Впрочем, надо подчеркнуть, что хотя формально Преображенский собор передали прихожанам, его помещение по-прежнему было закрыто для верующих. Они, как и во время войны, по-прежнему проводили службы только в помещении Пещерной церкви, т.е. в тесном темном подвале. Единственное различие было только в том, что богослужение теперь велось легально и регулярно.

По воспоминаниям Прокашевой, когда в 1947 г. умер друг ее отца, с большим трудом удалось добиться отпевания покойного в самом здании храма, да и то тайно. Валентина Николаевна сама просила об этом отца Владимира. Отпевать покойного было негде, а Пещерная церковь была тесной и неудобной для такого обряда. Отпевание проходило поздним вечером, чтобы не узнали власти.

Но верующие, несмотря на то, что официально здание Преображенского собора было закрыто, тайно проникали в само здание, чтобы хотя бы минимально привести его в порядок. Валентина Николаевна (ей было тогда 16-17 лет) и другие девушки-прихожанки сумели несколько раз втайне от властей пройти внутрь самого здания. Они забирались на полуразрушенную крышу собора, рискуя провалиться вниз, чтобы вычерпать и слить дождевую воду из круглого углубления на месте снесенного в 1938 г. центрального купольного барабана над потолочным сводом. На стенах собора висели иконы, принесенные прихожанами из дома, ведь все надеялись, что сам храм скоро откроют.

Вероятно, власти не разрешали использовать здание собора по назначению под предлогом необходимости проведения капитального ремонта. И настоятелю, и Церковному совету пришлось с первых же дней решать эту нелегкую проблему. Они неоднократно обращались к Уполномоченному с просьбами об оказании помощи строительным материалом, об отпуске оконного стекла, извести для восстановления храма.

Помимо трудностей, связанных с ремонтом, прихожане в очередной раз испытали явное противодействие Горсовета, который, естественно, не пришел в восторг от соседства с возродившимся храмом. Здание Горсовета стояло всего в

нескольких десятках метров от собора, в пределах видимости, и это обстоятельство, без сомнения, сыграло роковую роль в судьбе храма.

Уже через несколько месяцев после открытия храма Горсовет хотел снова занять под овощехранилище подвал собора, где уже официально шли богослужения. После жалобы настоятеля в разноречия пришлось вмешаться Зам. Председателя Совета Министров УАССР, запретившему использовать подвал для хранения овощей. Этим, разумеется, борьба властей с прихожанами не ограничилась. По воспоминаниям Прокашевой Горсовет постоянно притеснял верующих. В частности, отбирал в свою пользу пожертвования прихожан на нужды церкви.

В марте 1948 г. Уполномоченному поступила жалоба епархиального совета на действия председателя Глазовского горисполкома, вызвавшего к себе в кабинет представителей церковного совета, настоятеля Преображенской церкви и предложившего им поменять здание «Преображенской церкви на здание Георгиевской». Церковный совет свой отказ, мотивировал тем, что вложил большие средства на восстановление собора и на 40% восстановил здание, а так же и тем, что в свое время просили «предоставление» Георгиевской церкви, но ему в этом было отказано. Причиной отказа было и то обстоятельство, что Георгиевская церковь, закрытая в 1929 г. и пережившая два капитальных ремонта, утратила характер церкви и не имела вида церковного здания.

Получив жалобу Церковного совета, Уполномоченный, почти сразу же послал в Глазовский Горсовет секретное письмо, где напомнил городским властям, что такое предложение, если оно действительно имело место, являлось незаконным. Спустя недолгое время к Уполномоченному прибыл ходок от властей города Глазова – новый секретарь райкома ВКП(б) товарищ Николаев. Согласно отчету Уполномоченного Николаев считал «открытие» церкви на центральной площади неуместным, так как церковное пение и служба слышны на площади. В ответ Уполномоченный, напомнив секретарю райкома, как Горсовет тянул в свое время с передачей церкви, «...указал ..., что его доводы неосновательны. И для того, чтобы «изолировать» церковь, следует предложить церковному совету сделать церковную ограду, а горисполкому отвести для этого ... земельный участок...».

Этот эпизод особенно интересен тем, что в вышеописанной беседе со всей отчетливостью выявляется подлинное, не прикрытое ничем, отношение Горсовета к верующим своего города и к деятельности недавно открытого Преображенского собора. Без сомнения, городские власти, как говорится, «кусали локти», сожалея о том, что не отдали сразу Георгиевскую церковь православным горожанам и получили в наказание действующее здание культа у себя под боком. Горсовет попытался как бы «переиграть обратно» и убрать верующих с центральной площади в деревянную Георгиевскую церковь, находящуюся почти на окраине города. Но у городских властей с этим ничего не получилось.

Но можно не сомневаться, что своих попыток решить вопрос с собором Горсовет не оставил, используя все свои возможности для давления на церковный совет и прихожан Преображенского собора. Более чем через два года на заседании исполкома Глазовского Горсовета 17 августа 1950 г. было заслушано долгожданное «Ходатайство двадцатки Глазовского Преображенского собора о переходе из Преображенского собора в бывшую Георгиевскую церковь». Такое решение «двадцатки» можно попытаться объяснить двумя причинами: давлением Горсовета на прихожан и отсутствием у них средств на ремонт храма. Кроме того, богослужения по-прежнему проходили в тесном подвале собора. По-видимому, переход в деревянную небольшую, но более дешевую в эксплуатации церковь показался причту и церковному совету меньшим злом по сравнению с Пещерной церковью и нескончаемым ремонтом здания собора.

Исполком Горсовета с готовностью разрешил верующим переселиться в бывшую Георгиевскую церковь и капитально ее отремонтировать. Он даже позволил церковному совету проводить службу до окончания ремонта Георгиевской церкви в Преображенском соборе. Через две недели было принято решение: «Переселить добровольные общества ДОСАВ, ДОСФЛОТ и ДОСАРМ из бывшей Георгиевской церкви в здание военкомата по улице Короленко, дом № 4».

В ноябре 1950 г. Преображенский собор посетила комиссия Горсовета для «технического осмотра». 23 ноября 1950 г. Исполком Горсовета разрешил

«временно, до перехода в Георгиевскую церковь, но не позднее двадцатого декабря 1950 г. вести службу в Преображенском соборе в правом приделе при условии выполнения всех правил безопасности». Но, очевидно, прихожане припозднились с переселением в Георгиевскую церковь, поскольку только 1-го марта 1951 г. исполком Глазовского Горсовета утвердил состав комиссии, которая должна была принять здание собора в городскую собственность. Кроме того, в «Ведомостях начисления заработной платы рабочим и служащим Георгиевской церкви за 1947-1955 гг.» за январь 1951 г. на оплату труда сотрудников последний раз значится - «Глазовская Преображенская Соборная церковь». С февраля 1951 г. в ведомости появляется новое место службы церковного персонала – Глазовская Георгиевская церковь. Таким образом, прихожане навсегда покинули свой собор в феврале-начале марта 1951 г. Отремонтированная Георгиевская церковь служила своим прихожанам 11 лет, пока не была снесена 1962 г. в самый разгар хрущевских гонений на РПЦ.

Но вернемся к судьбе Преображенского собора. Согласно справке, составленной Горсоветом, здание собора целый год, вплоть до января 1952 г., снова никак не использовалось. Горсовет объяснял, что бывший собор не функционирует - ввиду того, что церковь закрыта с 1951 г., там стал рушиться потолок. Им было обещано, что здание будет использовано «под городской дворец пионеров». Но вскоре планы городских властей изменились и решением исполкома Горсовета от 10 марта 1952 г. «здание бывшей церкви» было предоставлено под местный краеведческий музей. 10 апреля и 3 июня 1952 г. были утверждены технические сметы «на ремонт здания бывшей церкви под Глазовский краеведческий музей». Был даже одобрен «Акт комиссии по оценке художественной ценности стенной церковной росписи здания бывшего Преображенского собора, переданного под музей».

Но признание стенной росписи Преображенского собора художественной ценностью не имело для Горсовета равным счетом никакого значения. Это становится ясным из того факта, что 16 июля 1952 г. исполком Горсовета уже обсуждал новый план «реконструкции» собора «...под городской театр, путем

разборки сводчатого чердачного перекрытия и четырех каменных колонн, разборки восточной стены, с кладкой новой поперечной восточной стены, с доведением высоты здания до 3-х этажей...»

Было решено просить «...Совет Министров УАССР об отпуске в 1952 г. на составление технической документации и первоначальные работы по заготовке материалов и разборки частей здания и начале работ по строительству 400 тысяч рублей...». Но, очевидно, Совет Министров УАССР дорогостоящие планы Горсовета не поддержал и денег не выделил.

В соборе шел бесконечный ремонт. 14 октября 1953 г., т.е. через полтора года после передачи здания собора краеведческому музею, его директор на заседании исполкома Горсовета жаловался, что краеведческий музей ремонтируется медленно, «стройматериалами ... не обеспечен, вследствие чего открытие музея затягивается».

Никак не решался вопрос с отоплением здания, которое зимой замерзало, а весной с потолка капала конденсационная вода и замерзала на полу. Именно в такой момент весной 1954 г. в Глазов приезжает инспектор музейного дела из Москвы. Спустя недолгое время постановлением Совета Министров РСФСР в числе 44 краеведческих и 23 мемориальных музеев был ликвидирован и Глазовский музей. Экспонаты и имущество поручили передать республиканскому музею города Ижевска. 24 марта 1954 г. ликвидация музея была оформлена решением исполкома Горсовета.

Летом 1954 г. Горсовет планировал « в освободившемся здании /бывшей церкви/ организовать профсоюзный клуб и городскую библиотеку». Но к началу 1957 г. в бывшем соборе уже размещались товары горторга, архив и мастерские кинопроката.

С этого момента судьба храма оказалась тесно связанной с судьбой моста через реку Чепца, на левом берегу которой стоял город. Глазов с правым берегом реки соединял деревянный мост, которому после почти каждого весеннего половодья требовался серьезный ремонт или полное восстановление. К сожалению, руководство

города увязало эту проблему, в самом деле, требующую своего скорейшего разрешения, с необходимостью сноса здания собора.

Весьма вероятно, что именно идеология, а также, такой ее аспект, как воинствующий атеизм, стал основной причиной уничтожения Преображенского собора. Храм, возвышавшийся в самом центре Глазова, давно вызывал раздражение и идеологического отдела Удмуртского Обкома КПСС, и Горсовета, стоящих на позициях воинствующего атеизма.

Еще 20 марта 1950 года исполком Горсовета обсуждал выбор места для строительства нового моста через реку Чепца взамен деревянного. Было решено, что мост должен быть металлическим или железобетонным. А местом расположения нового моста предварительно утвердили участок на пересечении улиц Свободы и Красной, то есть на восточной стороне площади. Собор при этом варианте никак не мог мешать строительству моста.

Впрочем, решение судьбы храма было отложено в связи с проведением проектно-изыскательных работ, связанных с подготовкой к строительству железобетонного моста через реку Чепцу, которые, как минимум, продолжались до 15 декабря 1955 года. 23 января 1957 года Глазовский Горсовет принимает роковое для собора решение: «...начать подготовку строительной площадки для строительства моста на месте церкви, для чего разрешить разборку церкви...» Всем организациям, занимающим здание собора, было предложено его покинуть.

Вскоре приговор собору на время был отсрочен решением исполкома Глазовского Горсовета от 24 апреля 1957 года: «...Передать здание бывшей церкви с баланса Глазовского Горкомхоза на баланс Глазовского городского сада безвозмездно...». Горсад, в центре возвышался собор, существовал еще с дореволюционных времен и был популярным местом досуга горожан.

11 декабря 1957 года Горсовета подтверждает свое прежнее решение: «...в целях подготовки строительной площадки для строительства моста, снести существующее здание церкви. Стоимость сноса утвердить в сумме 79 тыс. рублей...» 11 июня 1958 года Глазовский Горсовет постановил: «в связи строительством железобетонного моста через реку Чепца» окончательно

освободить здание собора от архива и Глазовского отделения «Главкинопроката», а «помещение церкви» занять «под склад строительных материалов».

Окончательно судьба собора была решена 14 августа 1958 года, когда Совет Министров Удмуртской АССР постановил, что «трассу подхода к вновь строящемуся железобетонному мосту через реку Чепцу ... утвердить с выходом на пл. Свободы в створе ул. Революции...» Это постановление означало, что стоящийся мост будет упираться прямо в собор. Таким образом, решение Горсовета было утверждено на республиканском уровне, что дало формальные основания для сноса старого храма.

По мнению специалистов, мост вполне мог быть сооружен на другом месте в 100-150 метрах ниже по течению реки, и не было никакой необходимости уничтожать собор. Это подтверждает чисто идеологическую подоплеку сноса собора. 13 октября 1958 года было принято решение Горсовета ликвидировать Глазовский городской сад, частью которого был собор. Сооружения и деревья Горсада очень скоро были снесены бульдозерами.

Строительство железобетонного моста шло достаточно долго. Только 27 января 1960 г. Совет Министров УАССР «в связи со строительством железобетонного моста через р. Чепцу и благоустройства площади Свобода согласно генеральному плану города» разрешил исполкому Глазовского Горсовета «снести здание бывшего церковного собора».

В августе 1960 года собор был взорван командой взрывников из Перми. Но благодаря старинной прочной кладке и колоссальной толщине стен собор существенно не пострадал. После неудачного взрыва строители города в конце того же месяца начали разрушать стены собора отбойными молотками и выламывать их тракторами. Кирпичи из разрушенных стен пошли на достройку здания школы №1(19), растаскивались местными жителями. Кроме того, обломки стен дробились гусеницами тракторов и использовались вместо гравия для подсыпки дорог.

Разрушение храма с перерывами продолжалось почти два года. Все это время в Горсовет шли делегации глазовчан, подавались письменные прошения с просьбами не уничтожать собор. Горожане не понимали, как можно уничтожить крепкое и

красивое здание в самом центре Глазова. Для одних храм был православной святыней города, для других – ценным историческим памятником.

Но следует напомнить, что начало 1960-х годов являлось временем радикальных хрущевских реформ и проведения курса на ликвидацию «культы личности» Сталина. Одной из многочисленных странностей «десталинизации» был отказ Хрущева от мягкой политики по отношению к религии, которую после 1943 года проводил «вождь народов». Здесь, как и во многом другом, Хрущев пытался возродить ленинский дух партийной активности и воинствующего атеизма.

В течение последующих трех-четырёх лет была распущена почти половина приходов Православной церкви, закрыто около 10 000 церквей.

Кроме того, бывший собор с начала 1951 года юридически являлся собственностью Горсовета, а не верующих, что значительно облегчило властям задачу его уничтожения. Поэтому городские и республиканские чиновники могли спокойно игнорировать мнение большинства жителей Глазова.

В конце лета 1962 года, по воспоминаниям очевидцев, в 3-4 часа утра, при большом стечении народа, остатки собора были взорваны второй раз. Несмотря на то, что взрыв был очень сильный, кирпичный фундамент собора уцелел и находится сейчас под асфальтом, газонами и клумбами в центре главной площади города.

Уничтожение здания Преображенского собора стало настоящей трагедией для всех горожан – и верующих, и неверующих.

Спустя недолгое время был снесен и последний православный храм города, закрытая еще в марте 1962 г. Георгиевская церковь на Красной площади.

В заключение можно сказать, что печальная судьба Преображенского собора является наглядной иллюстрацией того, как развивались взаимоотношения советского государства и православия в нашей стране. В сталинскую эпоху – от войны на их уничтожение, еле прикрытой статьями законов и наказами избирателей (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) до политики временного компромисса и терпимости (1943-1953 гг.) А при Хрущеве – от умеренной атеистической кампании (1950-е годы), до курса на полное искоренение церкви в стране (конец 1950-х – начало 1960-х годов).

Долгое время – целых 26 лет – в Глазове и Глазовском районе не было ни одного православного храма. Верующим приходилось ездить на богослужения в соседние районы, и только по большим праздникам. Только в годы горбачевской перестройки, накануне крушения социализма в СССР, власти в 1988 году позволили верующим Глазова построить и освятить первый православный храм в городе – Георгиевскую церковь в Сыге. Так началось возрождение православия в городе Глазове.